Литературная газета
г. Москва
М 1 нь. 1982

Владимир ОРЛОВ:

МЕДСЕСТРА, АЛЬТИСТ И АПТЕКАРЬ

В простенькой деревянной рамке на стене — большой горшок с темными фиалками и примостившаяся рядом с ним на подоконнике маленькая и грустная фигурка писателя: ирреальность рядом с обыденной действительностью, как в прозе самого В. Орлова. Картин в квартире много, и почти все они подарены хозяину в последние годы московскими художниками и связаны сюжетно или написаны под впечатлением «Альтиста Данилова». А вот этот уснувший город Татьяны Назаренко, вобравший в себя столько тайн, что человек, летящий в небе, удивляет меньше, чем лицо оставшейся на земле женщины, в издательстве «Советский писатель» выбрали фоном к портрету автора для нового издания двух его романов: «Происшествие в Никольском» и «Альтист Данилов».

Некоторые считают В. Орлова автором одной только этой книги. Однако входил он в литературу произведениями, строго выдержанными в духе реализма. В 1960 году первая очерковая книга, через пять лет роман «Соленый арбуз», затем «После дождика в четверг». Все это — строительство дороги Абакан — Тайшет, с которой Орлов был связан своей журналистской биографией. Потом «Происшествие в Никольском» и... неожиданный для читателя «Альтист».

— Я не думаю, что писателю должна быть свойственна только одна стилистическая манера. «Происшествие в Никольском» возникло как вещь почти документальная. Я работал в «Комсомолке» и в одном из писем в газету вдруг увидел сюжет, который помог сказать о том, что уже «варилось» во мне — хотелось проанализировать мотивы и последствия поведения определенной категории молодых ребят, что живут сытыми и пустыми, вне общественных интересов, без любимых книг и с очень приблизительным понятием о морали и нравственности. И письмо давало для этого материал. Но логика развития характера героини Веры Навашиной, будущей медсестры, в конечном итоге подсказала иной финал, чем был в действительности (и в первом варианте моей вещи). Я понял: даже в стремлении отомстить за поруганную честь не сможет она убить своего обидчика. Не по слабости душевной, наоборот — от обретенной силы духа.

И вот, когда заканчивал эту трагическую книгу, в голове вдруг начала вертеться фраза о домовом Иване Афанасьевиче из Останкина, который ждал субботы.. Откуда взялась? Зачем пристала? Днем пишу «Происшествие», где не надо ничего придумывать — жизнь придумала сама, а ночью вдруг звучит во мне другой голос. Встаю и записываю —, про домового и реальную женщину, мою знакомую Катерину Ивановну Ковалевскую, и про печальный конец их любви. Рассказ назывался «Что-то зазвенело». Я не печатал его. Хотел включить главой в роман об альтисте Данилове, но там эти персонажи прошли только фоном.

Потом уже пытался проанализировать: откуда взялась эта «демониада»? Видимо, когда в течение нескольких лет писал вещь в житейском смысле тяжелую, где каждая строка давалась трудно и не было места ни импровизации, ни иронии, ни сказке, я подавил другую часть своей натуры, которой это как раз и свойственно, она взбунтовалась и потребовала выхода.

— У вас ведь было много предшественников...

— Соединение точного быта с необыкновенными событиями в жизни человека, с полетом фантазии, прослеживается, как известно, у Гоголя и у Булгакова, Вельтмана и Одоевского, а в мировой литературе, например, у Свифта, Гофмана, Кафки. Могу прибавить Томаса Манна, его «Доктора Фаустуса» и еще раньше — Рабле или даже Овидия и Апулея. А «Люцинда» Шлегеля, а Босх и Брейгель, хоть это и живопись? И среди современников это не только Маркес, но и весь так называемый «феномен латиноамериканской прозы», а у нас Ч. Айтматов и А. Ким, В. Крупин и Н. Евдокимов, Ч. Амирэджиби и О. Чиладзе и наш старший современник В. Каверин, который молод в своей прозе. Когда вышел «Альтист», мое внимание обратили на «Мельмота Скитальца» Метьюрина, и надо же — несколько совпадений, а я до этого «Мельмота» не читал.

В чем тут дело? Думаю, в любую эпоху к фантастике, к сказке, к притче обращаются, чтобы ярче сказать о своем времени Лучшее переживает века, ибо говорит об общечеловеческом. В этом смысле мои учителя — вся мировая классика. Часто обращаюсь к Пушкину, Толстому, Щедрину, Гёте. Но в разное время ближе тот или другой писатель. Например, когда писал «Соленый арбуз», увлекался экспрессивной, драматичной и «цветной» прозой конца 20-х — начала 30-х годов — Малышкиным, Сейфуллиной, ранним Лавреневым, Вс. Ивановым, Веселым, Леоновым, Катаевым. Потом был потрясен открытием Булгакова. Но когда начал писать «Альтиста», запер Булгакова в стол и вынул только через три года, когда закончил свою книгу. Очень дорожу письмом его друга, писателя С. Ермолинского, который увидел в «Альтисте» не подражание Булгакову, а «общий душевный счет».

Что же касается формы, то она диктуется личностью героя и личностью автора. На долю альтиста Данилова, например, не выпало войн и революций, тех отчаянных испытаний, которые обнажают и взлеты духа, и пропасти. И вот, чтобы сказать людям о чем-то существенном, ставишь обычного человека в некие необыкновенные обстоятельства, в которых бы его личность «высветилась».

Так было у меня с Даниловым. Так получается и с аптекарем, героем романа, который затеял теперь. Я сказал себе: домовые, демоны, фольклор, миф — хватит! Мой герой Михаил Никифорович—человек практический, натура не художественная. И судьба отца-солдата, и опаленное войной детство. Но не уйти: снова фантастика рядом с дотошной реальностью. Героев не придумываю (есть в Москве альтист Володя, мой друг, и аптекаря знаю давно), но беру их как музыкальные темы, а потом строю вариации. Финала, как это было и с «Альтистом», еще не знаю. Иначе не интересно будет писать. Несколько лет живешь со своим романом — и внутри его, и вне его, — и он живет в тебе. То, что за это время происходит в мире и в тебе самом, не может не отразиться в книге. Как это прорастет и в чем — сказать трудно. Предполагал ли я, когда ездил в ГДР по местам Баха, что сущность его — человека и музыканта — проявится в Данилове?

Критики одевают Данилова в обломовский халат, однако в решающие моменты он принципиален и идет на риск, а в творчестве, в осознании миссии художника его активная позиция проявляется совершенно четко.

— Вы написали роман о музыканте, естествен вопрос о глубине и профессиональности ваших музыкальных интересов.

— Никогда музыке не учился, но слушал много. В послевоенном моем детстве были книги и громкоговоритель. Когда из Большого театра транслировали оперу, слышны были дыхание, и напряженная тишина, и рождение звука. Мама продала буханку хлеба (это решили на семейном совете) и купила у входа билеты на «Щелкунчика». Так это вышло в жизнь. Думаю, со временем стал квалифицированным слушателем. Однако если бы за год до того, как начал «Альтиста», мне сказали, что буду писать про музыку, я бы пришел в ужас. Но психология творчества, видимо, универсальна. Писал про себя, про свои ощущения и тревоги над листом бумаги, а когда прочли в оркестре Большого театра, то решили, что это кто-то из них скрывается под псевдонимом. Теперь художники говорят, что изображена их ситуация. Подобное слышал и от ученых.

Недавно был вечер в Доме композитора — «Музыкальный мир альтиста Данилова». Исполнялись произведения, которые играл в книге герой, а В. Орлов отвечал на вопросы. Кто-то назвал предполагаемого автора «симфонии Переслегина», которой отведена в романе значительная роль. И писатель сказал, что имя, которое назвали, слышит впервые и с музыкой этого композитора еще не знаком, а симфонию Переслегина просто придумал. Кстати, композиторы обратили внимание на то, что сама книга полифонична и что вся она, включая финал, построена по тому же принципу, что и симфония Переслегина.

— Это был авторский замысел?

— Нет, получилось не преднамеренно и, наверное, еще раз подтверждает общность законов для смежных искусств.

Я слышала: художники повторили этот вечер в своем выставочном зале на Кузнецком, и снова была масса записок и столкновение мнений.

— Владимир Викторович, подобные встречи часты?

— Да, и в заводских, и в студенческих аудиториях. И много писем до сих пор. Данилов живет и частенько мешает мне целиком погрузиться в новую книгу. Он до-же продолжает «выдавать» свои чудеса. Мне прислали вырезку из «Камчатской правды». Там (хоть и не на Шивелуче, как в романе, а на Авачинском вулкане) нашли неожиданный для этих мест минерал, который, кроме научного, имеет еще название «сибирский изумруд». А в одном из академгородков доктор наук, физик, спросил меня, почему я так написал про линейную молнию (купание в молниях, помните?). Не знаю, говорю. Прочел статью в старой энциклопедии. Образ явился, как рифма в стихах. Я просто пошутил. А он: «Вы назвали такие вещи, к которым мы шли долго опытным путем. Не можете ли вы так же пошутить и о шаровых молниях?» Случайное попадание дилетанта! Иное дело с «Аптекарем». Тут я стараюсь добросовестно изучить его дело, влезть в терминологию, чтобы была полная достоверность.

— А искусство? Мне кажется, вы и тут не сможете его обойти.

— В новой книге проявится мое увлечение Москвой, ее историей и архитектурой, смею сказать, не дилетантское: кажется, что чувствую душу города. У меня собрана картотека на все интересные дома. Много занимался этим еще в «Комсомолке», когда создавалось Общество охраны памятников истории и культуры.

— И все же, о чем эта книга?

— О жизни человека. Доброго, но легкомысленного. Поэтому доброта его иногда приносит беды окружающим и ему самому. Я не сторонник формулы «добро должно быть с кулаками», но оно должно быть ответственным.

— Это продолжение темы Данилова?

— В какой-то степени дальнейшая разработка моей темы вообще. И в этом смысле активная доброта Данилова, его умение взять ношу на свои плечи позволяют провести явные параллели с судьбой Веры Навашиной из «Происшествия в Никольском» и ее нравственным решением в конце. Вот и ответ на вопрос: случайно ли они выйдут под одной обложкой?

Беседу вела
Алла ЛАСКИНА

346